

Оглядываясь назад, на свою прошлую жизнь, в которой было место лишь брендам, автомобилям, вечеринкам в клубах, алкоголю, конечно же, сексу (он был везде и повсюду, и не только в самом акте, но и в каждой детали моего внешнего вида, поведения, моих манер, где все должно быть сексуальным и манящим), так вот оглядываясь на всю эту мишуре, я всегда вспоминаю тебя: милого молодого человека, многие годы слепо в меня влюбленного. Я, правда, тебя не забыла, Стас.

Ты был парнем из нашего окружения, но стал первым, кто понял, как глупо мы все выглядели, кидая друг перед другом понты и соревнуясь в своей эксклюзивности. В нашей компании ты больше не появлялся, занялся своим делом, стал за короткий срок авторитетным бизнесменом, и все бы у тебя тогда было замечательно, если бы не я и не моя бл**ская натура.

Ты часто звонил, присыпал огромные букеты цветов; в каждый праздник на пороге моего дома появлялся курьер с маленькими коробочками в подарочной упаковке. Я ждала золотого колечка с бриллиантом от Дэ Бирс, а получала статуэтку из слоновой кости, которую привезли из какой-то индийской провинции; я надеялась, открывая подарок, на флакончик Шанель, а находила пожелтевшую от времени маленькую брошюрку с дореволюционными письменами; я рассчитывала на что-то красивое, роскошное, но всегда выуживала на свет нечто потертое, непрактичное, непонятное. Я считала тебя жлобом, а потом узнала, что все эти предметы мало того, что дороги, но и исключительно редки и исторически ценные. Не представляю, Стас, как тебе их удавалось доставать...

Помню свой День Рождения. Я закатила вечеринку, пригласила, кроме друзей, еще с десяток «нужных» людей, которые помогли организовать прием по высшему разряду. И он таким вышел на все 100%. В восторге были все, до сих пор об этом говорят. А вот мы с тобой, Стас, предпочитаем об этом молчать.

В тот вечер ты появился уже в разгар праздника: музыка, хохот, алкоголь, снующие по дому туда-сюда незнакомые люди. Я нашла тебя глазами случайно, напрочь забыв, что ты обещал прийти. Но увидев тебя, очень обрадовалась. На тебе был черный костюм от Армани, а когда целовала тебя в щечку, ощутила мой любимый аромат Хugo Boss. Ты был красив и аккуратен, излучал уверенностью и надежностью. Это заметили все окружающие, они смотрели на нас и удивлялись, почему я раньше никогда не приводила с собой такого дорого и успешного мужчину?

Мы о чем-то поговорили, из-за музыки я не все рассышала, просто вежливо кивала головой, когда ты о чем-то увлеченно рассказывал мне на ухо. Я допивала в бокале шампанское, поглядывала по сторонам, а потом... потом я куда-то упорхнула — чувствуй себя, как дома, развлекайся.

Я пила, что-то мешала, что-то проглатила, с кем-то танцевала, ощущала на своих бедрах чьи-то руки, оказалась наверху дома, кого-то целовала, где-то была в тумане. Когда праздник закончился и все разошлись, я даже не вспомнила о тебе. Но мне напомнили. На следующий день. Добрые люди с наслаждением, смахнули самые пикантные моменты, поведали про то, как ты, Стас, с двумя моими друзьями, поднялся на второй этаж в поисках кого-то, и открывая очередную дверь, вы попали в комнату, где находилась я.

Вы закрыли эту чертовую дверь за собой через секунды три-четыре, отправившись дальше по своим делам, но этого, как уверяли знакомые, вполне хватило, чтобы запечатлеть общую картину происходящего в комнате даже с подробными деталями.

Стас, я знаю, ты был ошеломлен. Сначала ты увидел полураздетого парня, курящего у окна. Тот увидел вас, довольно улыбнулся и жестом предложил войти. Потом, у самых ног этого типа, ты заметил мое платье. Оно так сильно контрастировало своим ярким бирюзовым цветом на фоне темного пола, что не заметить его было невозможно, как и валяющуюся рядом одинокую туфлю на высоком каблуке.

Ты понял все сразу, но разум не желал в это верить. Он отказывался это принять даже в тот момент, когда до тебя донеслись характерные звуки.

Они издавались с кровати у дальней стены. Там, где взору твоему открылись загорелая спина и белые ягодицы неизвестного мужчины. Он сидел на согнутых коленях, и таз его, неутомимый и, кажется, не знающий покоя, не прекращал поступательных движений. На его плечах, сверкая пятками, лежали женские ступни, пальчики на которых то неистово сжимались, то судорожно вытягивались.

Ты узнал меня не по педикюру и даже не по платью на полу, а по голосу. Я громко стонала, просила, чтобы еще быстрее, еще сильнее, еще глубже.

Прости, Стасик, я смутно помню тот момент. Мне очень потом тебя не хватало. Когда я знала, что ты всегда рядом, то принимала как должное, а пропал — стало не по себе. Особенно чувствительно начинает щемить в груди, когда натыкаюсь дома на почерневшую и окаменевшую от времени деревянную куклу, которую тогда нашла среди подарков День Рождения. Она была вместе с документами и короткой запиской. В ней от руки ты написал о том, что некогда, много веков назад, где-то на юго-востоке современной Англии, с этой куклой, наверняка, играла, какая-нибудь маленькая девочка, и, возможно, даже спала с ней и повсюду ее с собой носила, а потому — в деревянных глазах игрушки хранится многовековая мудрость и сила, которые обязательно мне помогут по жизни...

Когда мы с тобой увиделись после того вечера в следующий раз? Через год?

Ничего удивительного. Рано или поздно, но мы бы все равно встретились. Например, по случаю какого-нибудь праздничного события у наших общих знакомых.

На ту свадьбу мы оба были приглашены в качестве гостей. Ты приехал в ресторан не сам, а с какой-то блондинистой сучкой, когда я была одна, без пары. Я наблюдала за вами, за тем, как вы входили: ты шел уверенно с непринужденной улыбкой и с прямой осанкой, горделиво расправив плечи; на тебе был костюм неизменно черного цвета, но в этот раз — от Дольче Габбана, и выглядел в нем так, как будто женихом здесь был именно ты. Это чувствовала и твоя спутница, та самая телка, с которой вы шли под руку. Мне хватило секунды, чтобы понять — она из тех женщин, кто отправляясь утром на шоппинг, возвращается домой лишь к поздней ночи или на следующий день. Потому что предпочитает бутики не в центре столицы, а в нескольких часах лету в западном направлении: Париж, Берлин, Милан, Лондон.

Каждый предмет ее туалета, каждый аксессуар, дополняющий образ, об этом кричал и акцентировал внимание. Она была по-настоящему шикарна в своем вкусе и внешнем виде. И несмотря на то, что она была для меня просто сукой, державшей тебя под локоть, я не могла не оценить ее манер: полных достоинства, но при этом не кичливых, без показного превосходства, а спокойных и вежливых. Ваша пара невероятно резонировала среди остальных.

Кажется, я действительно ревновала. Странное чувство, странный вечер. Я, одинокая девушка, пришла на свадьбу к знакомым, на меня глазели, ко мне подкатывали, за мной ухаживали, просили о свидании, (причем просили не самые плохие мужчины), а я только рассеяно кивала головой, вымученно улыбалась, думала о другом и изредка поглядывала в твою сторону. А у тебя все было хорошо: весело, комфортно, уверенно.

И я, как всегда в этих случаях, просто напилась.

Картинки в моей памяти, сменяя друг друга по понятному лишь им алгоритму, забыли о хронологическом порядке. Поэтому за достоверность дальнейших событий этого вечера ручаться не буду.

По-моему, ко мне кто-то приставал, или, может, приставала, танцуя с кем-то, я...

Ты оттолкнул от меня вспотевшего брюнета...

Я сижу на диване в холе ресторана, поддерживая руками опущенную голову. Здесь тихо...

Твой голос. Еще женский. Почему так громко разговариваете? Хочу тишины...

Меня кто-то мягко, но уверенно поднял с дивана. Куда-то повели, держа под руку...

Свежий воздух. Я смогла повернуть голову. Рядом был ты, а поэтому можно быть спокойной. Можно отключаться...

Очнулась, когда ты на руках выносил меня из своей машины. Чувство реальности пришло не сразу. Ты принес меня к себе в дом. Я здесь никогда раньше не была, да и не задумывалась ни разу о подобной возможности. Я улыбнулась тебе, что-то сказала, и ты, с сомнением нахмурившись, поставил меня на ноги.

Мы сидели на твоей кухне, пили чай, ты вдохновенно рассказывал о своем недавнем путешествии по экзотическим странам, я, сняв туфли и вытянув ноги на соседний пустой стул, в основном, молчала. Хотела спросить о его спутнице, той самой телке, куда она делась, но передумала.

Мне с тобой было безумно хорошо и, несмотря на шум в голове, очень комфортно. Я уловила твой быстрый взгляд, вскользь брошенный вниз, а после — смущенное выражение лица. Мое короткое платье чуть задралось кверху, обнажив резинку чулков. Я знала, Стас, ты не решишься, поэтому этот первый шаг сделала сама...

В ту ночь я любила тебя и не желала тебя ни с кем делить. Я ревновала даже к луне, чьи бледные лучи просачивались в спальню. Она то появлялась для меня, то исчезала в тени, то назойливо опускалась и вновь поднималась, слепя ярким пятном на фоне черного неба.

Я обнимала тебя до боли в руках, мне было мало просто прижаться к тебе всем телом, я отчаянно желала оставить свой отпечаток на твоем крепком, атлетическом торсе, хотела вытатуировать на нем память о своей любви, вкрапить воспоминания о ее неутомимой силе прямо в кровь.

Я оплела тебя сетью томящейся страсти, увлекла далеко вниз, где ты выпустил мою искрящуюся душу в иные миры, глубоко за пределы забвения.

Я не думала о том, как выгляжу со стороны, я была просто собой, и ты впервые увидел меня настоящей. Мы слились воедино, и своими пылающими телами образовали маленький — по меркам Вселенной, — но огромный для человеческой жизни, сгусток энергии. Он пульсировал и дышал; в напряжении сжимался и шумно вытягивался; то ослеплял, то нежно мерцал. Эта энергия была живой, она постоянно видоизменялась. () И только неизменным оставалось то, что породило ее — наша любовь. Мы любили...

Но наши клятвы, в порыве страсти нашептанные друг другу, прошли мимо заложенного

фундамента совместного счастья. Жизнь навязывает свои правила и законы, они начертаны на костях судьбой, равнодушной к планам человека. И поэтому утром, пока ты еще спал, меня в твоем доме не стало, словно вовсе никогда и не бывало.

Прошло уже несколько лет, и мы с тобой по-прежнему не общаемся. Даже натыкаясь друг на друга в публичных местах, мы просто киваем головой в знак приветствия и отворачиваемся. Ты, Стас, говорят женился? Не на той ли суке, которую я видела ранее?

Хотя неважно это. Ты счастлив — это важно. А я несчастлива, но теперь я не поддамся эгоизму. Я не приду к тебе и будоражить твои воспоминания собой не стану. Твой путь верный, а я все равно от тебя убегу.

Оглядываясь назад, на свою прошлую жизнь, в которой душа и чувства человека были не в цене, ты, Стас, остался в ней, наверное, единственным ярким белым пятном.

Ты безоглядно меня любил, и я так же могла любить тебя. Но я просто этого не захотела